

Андрей Викторович Манойло

ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ

В недавней волне революционных событий, прокатившейся по Северной Африке и успешно демонтировавшей целый набор политических режимов, казавшихся ранее абсолютно стабильными и незыблемыми, обращает на себя внимание ряд особенностей.

Во-первых, все они развивались (а в случае с Ливией – продолжают развиваться) по одному и тому же сценарию, или «революционному» шаблону, очень похожему на сценарии «цветных революций».

Во-вторых, «революции» в различных государствах Северной Африки вспыхнули практически одновременно, что практически всегда исключает любой элемент случайности и предполагает высокий уровень координации (по времени) из зарубежного «революционного центра», либо – факт проведения тщательно спланированной внешними силами специальной операции.

Несмотря на довольно распространенное мнение в отношении стран Магриба, утверждающее, что эти государства являются своеобразной калькой друг с друга, явное сходство между ними наблюдается только в формах политических режимов и времени пребывания их лидеров у власти. В остальном же (в уровне социальной напряженности, в степени разрешения социальных проблем, в уровне жизни и экономической стабильности) они довольно заметно различаются. Вот почему игра на общих проблемах социально-экономического характера не может стать причиной одновременного взрыва политической ситуации во всех указанных странах. Но ее вполне достаточно для маскировки истинных причин «финиковых революций» и объяснения происходящего (разумеется, в определенном свете) внешним наблюдателям: ООН, европейскому сообществу, оставшейся части арабского мира и др.

В-третьих, причиной «пожара», погрузившего в политический хаос самую стабильную и «европейскую» страну – Тунис, стал совсем незначительный повод: самоожожение местного жителя. Тем не менее, это сразу послужило сигналом для начала вооруженного мятежа, в считанные дни охватившего всю страну.

Вместе с тем, организация мятежа практически невозможна без тщательной предварительной подготовки, вербовки боевиков и сплочения их в

боевые группы, четкой системы координации, материального обеспечения и, самое главное, - аккумуляции в зоне будущего конфликта значительных финансовых средств, предназначенных для подпитки «революционной борьбы». Последние невозможно доставить в зону конфликта мгновенно, и уж тем более, если мятеж уже начался. Без внешней финансовой поддержки ни одна из современных «революций» не имеет ни шанса против законной власти.

В-четвертых, «пламя революции» охватило государства Северной Африки по очереди, строго в определенном порядке, что также наводит на мысли: к примеру, в природе лесной или степной пожар распространяется круговой волной, захватывая все прилегающие территории, если, конечно, его никто специально не направляет в нужную сторону. Здесь же налицо явная избирательность: Тунис-Египет-Ливия-Сирия-Бахрейн-Йемен и т.д. При этом в стороне остались Алжир, Марокко и др. африканские страны, имеющие сходные социальные проблемы и отличающиеся таким же «консерватизмом» политических режимов.

На языке специалистов по психологическим операциям и технологов «цветных революций» это явление называется «контролируемой цепной реакцией» и является обязательным элементом любой современной технологии «цветных революций». В этой технологии любые промежуточные результаты «революционного подъема народных масс» в одной стране становятся иницирующим поводом, запускающим маховик «революции» (или вооруженного мятежа) в последующей стране из заранее намеченного зарубежными «революционерами» (истинными авторами «революции») списка. При этом очередность следования «вспыхивающих» стран в контролируемой цепной реакции строго соблюдается: ведь иницирующий импульс пробуждает не гражданскую позицию общества, подавленную очередным авторитарным режимом, а «домашние заготовки» политтехнологов, готовивших эту «революцию» в течение долгого времени и внедрявших соответствующую идеологию в массовое сознание населения. А для каждой конкретной страны эти «заготовки» – свои.

Выдает в этих процессах технологию не только порядок, в котором вспыхивают страны, но и высокая скорость распространения такой цепной реакции: это возможно только при высокой

степени внешней координации происходящих событий. Только в этом случае они в своей массе перестают быть отдельными случайными фрагментами мозаичной картины и приобретают характер сценария, в котором все эпизоды взаимосвязаны в рамках одного плана, имеющего вполне конкретные цели, задачи и последовательность их осуществления.

В-пятых, в «революциях» в Северной Африке и на Ближнем Востоке наблюдается еще один ключевой элемент технологии «цветных революций»: это – механизм обратной связи, обязательно присутствующий в любой специальной операции. Суть его такова: первоначальный сценарий «революции» обкатывается на примере одной страны, затем корректируется (с помощью механизма обратной связи) и в виде очередной итерации запускается в отношении следующей по списку страны. Затем процедура коррекции повторяется снова. При этом соблюдение очередности в применении технологий «революций» к избранным странам обязательно: такой прием позволяет вовремя учитывать и исправлять ошибки в исходном сценарии, оперативно адаптировать его под тонкую специфику региона, которая проявляется, как правило, уже в процессе реализации исходного замысла. В этом – гибкость современных технологий «цветных революций» и, одновременно, их главный демаскирующий признак.

И, наконец, во всех «революциях» в странах Северной Африки настораживает один факт: странное отсутствие обязательного компонента любой революции – революционной идеологии. Между тем, настоящие революционеры – идеалисты: в основе их революционной борьбы лежат либо высокие идеалы (свобода, равенство, братство, справедливость), либо идеи национально-освободительных движений. Между тем, ничего подобного в арабских «революциях» нет и в помине: есть разношерстное протестное движение, которое быстро превращается в «политическую толпу», основная цель которой – свержение действующей законной власти в лице ее конкретных представителей, с одной стороны, и погромы – с другой. При этом «революционная» толпа не выдвигает никакой альтернативной политической программы: народный гнев носит сугубо персонифицированный характер и ничего не имеет против самой политической системы. Цель такой революции сводится к тому, чтобы на основательно «подогретой» волне народного гнева к власти пришли новые лица, которые, возможно, ничем не лучше предыдущих, но обладают романтическим ареалом «революционеров». Обладая этим ареалом, эти люди могут не иметь ни известного прошлого, ни заслуг перед страной, и вообще вынырнуть из политического хаоса в самый последний момент. Для любых мировых лидеров, интересы которых лежат в данном регионе, этот момент является самым лучшим для приведения к власти своих ставленников.

Отсутствие революционной идеологии, как ни странно, выдает в событиях в Северной Африке почерк, характерный для англосаксов и

проводимых ими специальных психологических операций. Так, технологии «цветных революций» хорошо известны и обкатаны на примере нескольких десятков стран, в том числе – государств Центральной Азии, имеющих преимущественно мусульманское население. Хорошо известна предпринятая недавно британцами и американцами попытка организации «зеленой революции» в Иране. Однако, в отличие от стран, ориентирующихся на западные либеральные ценности и психологию индивидуализма, шаблонная идеология «цветных революций» не работает в традиционных восточных обществах: на Востоке, где сохранился общинный и родовой уклад жизни, интересы отдельной личности – ничто, а интересы общины – всё.

Человек на Востоке никогда себя не реализует вне общины, к которой принадлежит: оторвавшись от общины, его ждет полное забвение и, в конечном счете, гражданская гибель. Вместе с тем, община дает человеку очень многое, в первую очередь – поддержку и защиту, нередко даже в большей степени, чем это может обеспечить его западному коллеге либеральное государство. В этом плане свобода на Востоке понимается совсем не так, как на Западе: это не личная свобода от каких либо запретов и ограничений, а свобода пользоваться возможностями и ресурсами общины для того, чтобы принести своей общине и в конечном итоге, себе лично, еще большее процветание. В этом плане идеология цветных революций несет прямую угрозу свободе личности, живущей в традиционном восточном обществе, ее родным, близким, семье. Одним словом, западный лозунг «свобода» не находит отклика на Востоке.

Понятие справедливости в традиционных восточных обществах также определяется формулой: справедливо то, что принесет благо общине. Во внутренней политике это выражается в стремлении добиться высоких государственных постов для представителей своего клана, что, кстати, мало чем отличается от внутривнутриполитической борьбы крупнейших семей в США: Кеннеди, Бушей и др. Принцип народного представительства здесь сводится к представительству родовому, клановому либо общинному; традиционный уклад и правила поведения, принятые в общинах, находящихся у власти, распространяются и на всю государственную внутреннюю политику в целом, цементируя ее и придавая устойчивость к любым внешним воздействиям. Западный же лозунг о том, что справедливость должна выражаться в праве каждого управлять страной, вызывает на Востоке искреннее непонимание.

Понятие братства в восточных обществах с преимущественно мусульманским населением уже имеет свое вполне четкое определение, даваемое исламом, и вряд ли нуждается в западной модернизации.

Идеология национально-освободительных движений сегодня в Северной Африке также, по вполне понятным причинам, неприменима.

Таким образом, для любых западных политтехнологов, намерившихся сделать страны Магриба площадкой для обкатки своих новых «революционных» технологий, задача выбора подходящей к текущей ситуации в регионе революционной идеологии становится неразрешимой проблемой. В этом случае специалисты специальных операций опускают вопрос идеологии вообще, заменив его набором внешних пиар-клише и положившись на быстрое формирование из массы недовольных «политической толпы», для которой идеология не нужна вовсе, а необходимо лишь указать цель и направление главного таранного удара. Между тем, у настоящих революций, являющихся истинным проявлением воли народа, идеология есть всегда. Все эти признаки указывают на некую искусственность в наблюдаемых сегодня «революциях» в Северной Африке и на Ближнем Востоке, оставляя полагать, что здесь не обошлось без внешнего «дирижера».

Оставляя без внимания версию о полной спонтанности и случайности «революций» в Тунисе, Египте и других государствах Северной Африки и Ближнего Востока (которая тоже имеет право на существование), остановимся на предположении, что все произошедшее в странах Магриба – неслучайно и имеет внешнего заказчика. В этом случае сразу возникает несколько ключевых вопросов:

- как эти «революции» были осуществлены, при помощи каких схем, моделей и технологий;
- кто реальный заказчик и исполнитель «революций» в Северной Африке и на Ближнем Востоке;
- какие истинные цели преследуют «революции», кто является главной мишенью происходящих событий и зачем для поражения этой мишени понадобилось взрывать весь африканский север, отличавшийся стабильностью и устойчивостью правивших там политических режимов.

1. Модели управления международными конфликтами

«Цветные революции» в классическом виде и любые их разновидности – это технологии информационно-психологического управления международными конфликтами, предполагающие, в том числе, их искусственную инициацию. Именно в состоянии таких этнополитических конфликтов погрузились общества в раннее стабильных и политически предсказуемых государствах Северной Африки после внешней инициации технологий «фисташковых революций» и «управляемого хаоса».

Сегодня управлять специально иницированными политическими конфликтами намного выгоднее, чем пытаться договориться с лидерами государств, чувствующих за собой реальную силу и опирающихся на поддержку армии и основной массы местного населения. Действительно, современные международные конфликты, несмотря на их кажущуюся уникальность, неповторимость и непредсказуемость, обладают большим родовым и

видовым сходством и развиваются в целом по одним и тем же закономерностям, что позволяет предсказывать их дальнейшее развитие и рассматривать эти конфликты как объект внешнего управления, вводить такие понятия как поле конфликтов, формулировать их обобщенные и статистические характеристики. Современными конфликтами можно и нужно управлять, исходя из общих для всех них закономерностей возникновения, эволюции и разрешения. Представления о международных конфликтах как о сугубо индивидуальных и непрогнозируемых явлениях ведут к запоздалому и неэффективному реагированию по факту, к практике политических импровизаций.

В современных конфликтах технологии информационно-психологического воздействия применяются в рамках четырех доминирующих культурно-цивилизационных моделей: англосаксонской, восточноазиатской, ближневосточной (исламской) и романо-германской (западноевропейской), каждая из которых стремится преобразовать политические системы участников конфликта в соответствии с собственной картиной мира. Все эти модели сегодня эффективно работают в зонах международных конфликтов, не вступая в противоречие между собой и часто взаимно дополняя друг друга. Их результативность в мирном разрешении конфликтов позволяет рассматривать эти модели как реальную альтернативу силовому умиротворению, активно продвигаемому сегодня в сферу международных отношений западной политической пропагандой.

Применяемые в этих моделях информационно-психологические технологии обладают всеми свойствами промышленных технологий: универсальностью (применимостью к различным типам конфликтов), многократной тиражируемостью и предсказуемостью конечного результата. Существует принципиальная разница между технологиями и отдельными приемами, методами и способами психологического воздействия на конфликты: технологии – это готовый набор инструментов управления конфликтами, основанный на знании и использовании в контуре управления общих закономерностях их зарождения, эволюции и разрешения; в то время как индивидуальный подход к каждому новому конфликту требует всякий раз искать новые инструменты воздействия, к тому же в основном эмпирическим путем и с заметным опозданием.

Англосаксонская модель видит разрешение конфликтов в полной, принудительной трансформации политических систем конфликтующих сторон, точнее своего оппонента, который должен принять политические нормы и стандарты англосаксонской цивилизации («демократические институты»). Традиционно англосаксы используют при этом как методы силового давления («силовое умиротворение», «гуманитарные интервенции», «борьба с международным терроризмом»), так и методы несилового воздействия («мягкая сила», «бархатные революции», «психологическая

война»). Англосаксонська модель базується на протестантському мировоззренні і етиці успішності, полезності кінцевого результату.

Восточноазиатська модель виходить із цели розрешення конфліктної ситуації в поступальному, дилемному встраиванні (інтеграції) політичних систем і цінностей конфліктуючих сторін, оппонентів в свою систему політичних відносин (наприклад, тайванська проблема, «возвращение» Гонконга: «одна країна – дві системи»), поступово розчиняючи в своїй системі національну ідентичність політичних систем більш слабких учасників. Відомо існування цілих народів, етнічних груп в Китаї в результаті довготривалої асиміляції (маньчжурів, динлінь – ташткська культура, і інші «варвари»).

Ближньовсхідна (ісламська) модель бачить процес розрешення конфліктів в переносі, проекції історично складившихся в ісламі традиційних механізмів регулювання соціально-політичних відносин на зони конфліктів, в тому числі за рахунок розширення ареалу ісламського світу і поширення впливу ісламської ідеології. Ділення світу по релігійному принципу відроджує дух релігійних воєн, джихада, який включає в себе як мирні засоби регулювання міжнародних конфліктів, так і озброєну боротьбу за віру. В шиїтській гілці ісламу, пануючій в Ірані, відсутні заклики до джихаду проти «невірних», більш того, лідери цієї країни висловлюють пропозиції про міжцивілізаційний діалог (Хатамі, 2001, с.141), виступають за пошук взаєморозуміння між християнськими і мусульманськими країнами і народами, не шляхом взаємного заперечення ціннісних установок, а шляхом запозичення (обміну) культурних і технологічних досягнень.

Романо-германська модель, заснована на своїй цивілізаційній, політичній етиці, по думці ряду авторів, тягарена стереотипами, набором «загальноприйнятими» або загальнообов'язковими етичними представленнями, не завжди збігаються з представленнями інших цивілізацій. Тому, наприклад, важко діалогізувати з французами, так і німцями з китайцями, «форуми є, а діалогу не отримується» (Королев, 2007, с. 184). В цій зв'язі романо-германська модель виходить із того, що процес розрешення конфліктної ситуації здійснюється в зміні думок його учасників, переважно прийняттям існуючих в цій цивілізації пануючих етичних норм і стереотипів. Ця модель психологічного впливу на конфлікти не ставить завдання шляхом прямого втручання змінити політичні системи його учасників, а прагне керувати свідомістю політичних еліт, що стоять у владі в державах-учасниках конфлікту, а також – свідомістю різних шарів місцевого населення і міжнародної громадськості, спонукаючи їх сприймати конфлікт відповідно до пропозиційного їм образу конфлікту, т.е.

дивитися на конфлікт очима європейського суспільства.

Англо-саксонська модель реалізується в політиці в формі проведених США і їх союзниками психологічних операцій, в яких застосування прямої озброєної сили розглядається як форма сервісу по відношенню до технологій інформаційно-психологічного управління масовим і індивідуальним свідомістю населення як безпосередньо в зонах міжнародних конфліктів, так і поза них. Модель такої операції складається з наступної послідовності фаз: політичної стратифікації суспільства, політичної поляризації шарів, контролюваної поведінкової реакції (на основі відомих психологічних технік «якорення») і психологічної корекції політичного поведінки груп населення і цільових аудиторій, заснованої на принципі зворотного зв'язу.

Використання психологічних «якорних» технік стає особливо небезпечним в умовах етнополітичних конфліктів: багато різноманітності масових психологічних станів, сформованих в період історичного розвитку національного свідомості, включаючи – стани пограничні і агресивні, вже закладені в етнічній пам'яті і, практично в незмінній формі, неосвідомлено (т.е. – на рівні колективного підсвідомості) передаються з покоління в покоління. Їх не потрібно спеціально формувати під конкретну психологічну операцію. Історичні механізми ініціації цих станів, не розроблені в історичній практиці міжнародних конфліктів, також відомі, – для того, щоб «переключити» населення будь-якого етнічного анклавів з психологічного стану мирного добросусідства в стан немотивованої агресії, достатньо лише незначительно адаптувати формат психологічного імпульсу, ініціюючого психологічний механізм «переключення станів», характерних для даного етносу, в сучасних умовах. Саме ці психологічні прийоми і технології виключительно яскраво проявили себе в «финикових революціях» в Північній Африці.

2. Технології політичних переворотів і «управляемого хаосу»

Технології «финикових і фісташкових революцій» мають неперечене подібність з «барвистими революціями», використовуючи всі ті ж арсенал психологічних і організаційних прийомів, шаблонів і схем, але сміючи при цьому ударити по методах, здатних розколотися спільність традиційних східних суспільств на дрібні фрагменти, з тим щоб вивести окремих осіб з складу родових і племенних кланів, дезорієнтувати їх в політичній обстановці з допомогою технологій управління масовим свідомістю і створити з цих дезорієнтованих громадян головний таранний інструмент будь-якої «барвистої революції» – «політичну толпу». Методи і технології,

позволяющие расколоть сплоченные традиционные общества на отдельные фрагменты, погружая общество в состояние распада и политический хаос, подчиняющийся своим законам, носят название технологий «управляемого хаоса». След применения именно этих технологий в Северной Африке и на Ближнем Востоке усматривают сегодня многие эксперты и обозреватели.

Одним из авторов популярной на Западе «теории управляемого хаоса» является американский стратег, дипломат и политолог Стивен Манн. Суть выдвигаемой им концепции следующая.

Цель любой специальной психологической операции – обеспечить добровольную подчиняемость представляющего интерес человека с тем, чтобы впоследствии свободно и без каких либо ограничений использовать его в своих целях – в качестве неодушевленного инструмента, ресурса, расходного материала. Этот результат сравнительно несложно обеспечить в западных либеральных обществах, где каждый гражданин – индивидуалист, в жизни преследует исключительно личные цели, и, хотя и пользуется в некоторой мере поддержкой и защитой государства, в основном борется и выживает в одиночку. Такого индивидуума несложно психологически сломить и «перепрограммировать» под любой шаблон политического поведения, включая т.н. «демократический», поскольку ни одна даже самая сильная личность не в состоянии выстоять перед напором системы и применяемыми ей технологиями психологического убеждения и принуждения. Вот почему в Западном обществе так популярны и эффективны многочисленные техники скрытого манипулирования, «промывки мозгов», НЛП, рефлексивного управления, а секты сравнительно просто вербуют и обрабатывают adeptов. Ведь для того, чтобы заполучить себе adeptа, необходимо всего лишь взломать его личные защитные барьеры, которые обеспечила ему природа при рождении для защиты психики от внешних негативных воздействий, и заменить его систему ценностей своей.

В традиционных обществах с коллективной субъектностью все иначе. Там отдельная личность, глубоко интегрированная в общество, клан, род или племя, защищена этим обществом от любого внешнего негативного психологического воздействия, даже самого мощного. В противодействии негативному влиянию или любой формы информационной агрессии любой член этого общества может рассчитывать и опираться на ресурсы всего общества в целом и на помощь любого из его членов, поэтому его не так просто сломить. Для этого необходимо разрушить внешний рубеж обороны – саму традиционную структуру построения общества – и погрузить общество в политический хаос, который лишает любого попавшего в его водоворот человека коллективной поддержки и превращает его в индивидуалиста, озабоченного исключительно вопросами своего собственного выживания. Рецепт погружения обществ в хаос прост: это –

политический переворот или вооруженный мятеж, сопровождающийся мощной информационно-пропагандистской кампанией по дискредитации традиционных ценностей. Такой процесс приведет к стремительной «атомизации» закрытого традиционного общества с коллективной субъектностью в основе своего устройства, что в итоге «откроет» его, перемешает. В результате разрушения традиционного уклада и девальвации ценностей возникнет идеологический вакуум, который сразу же должен быть заполнен специально разработанной режиссерами «революций» идеологией. Смена ценностей в условиях хаоса произойдет незаметно: любая личность, вырванная из своего традиционного уклада и потерявшая поддержку своего рода или клана, будет хвататься за любую идеологическую концепцию, гарантирующую ей выживание. Происходящая в этом процессе смена системы ценностей в обществе обеспечивает добровольную подчиняемость всех его членов и превращает общество в послушный инструмент реализации внешнеполитических интересов иностранного государства. Хаос становится управляемым.

Теория хаоса прилагается к динамическим системам с очень большим количеством подвижных компонентов, и представляет собой, по сути, новое нелинейное планирование событий в сложных системах. Сам Манн определяет эту концепцию как настоящую революцию, которая формирует новые подходы к военной стратегии, а ее влияние может изменить как характер войны, так и эталоны стратегического мышления. «Структура и стабильность находятся внутри самой видимой беспорядочности и нелинейных процессах», – утверждает американский стратег. Ключевую роль здесь имеют исходные параметры, ибо, по мнению разработчика концепции, «подобные «хаотические» системы показывают тонкую зависимость от начальных условий» (См.: Коровин, 2011).

В соответствии с этой теорией, для обеспечения добровольной подчиняемости стран Северной Африки интересам внешнего государства, объединяющие их население кланы и общины должны перемешаться, т. е. нынешнее, традиционное социальное устройство, которое в Северной Африке существует до сих пор, должно быть разрушено и перемешано. Именно это и происходит сейчас в государствах, ставших жертвами «новой революционной волны».

3. Вероятные заказчики

На возможных заказчиков, авторов и организаторов «финиковых революций» указывают некоторые характерные высказывания и заявления авторов технологий «цветных революций», «управляемого хаоса» и концепции «Большой Ближний Восток». Все они – граждане США.

Так, один из авторов концепции «Большой Ближний Восток» неоконсервативный теоретик Майкл Ледин утверждает, что «современный исламский мир – это новое издание фашизма», но «фашизм играет без правил», следовательно, победить «фашизм» (т.е. исламский мир) можно

только с помощью аналогичного фашизма – крайне жестких и агрессивных действий, попирающих (ради «благих» целей) некоторые основополагающие нормы демократии» (См.: Коровин, 2011). В качестве ядра исламского мира, из которого исходит угроза остальному демократическому миру, он прямо указывает те самые страны Северной Африки и Ближнего Востока, где происходят сегодня события «финиковых революций».

В том виде, в котором существуют эти государства, они не готовы для принятия американских ценностей в виду того, что их социальное устройство представляет собой общинное, клановое, родовое, с сильно доминирующим этническим фактором. На этом фоне в большинстве из этих стран были выстроены светские политические режимы с авторитарным несменяемым лидером во главе, жесткой иерархией и зачастую режимом чрезвычайного положения, опорой на армию и спецслужбы в качестве основных гарантов соблюдения порядка и единой идеологической стройности. По своей политической форме это национальные государства с авторитарной жесткой вертикалью власти и четкой идеологической базой.

Политические авторитарные режимы, внешне демонстрировавшие лояльность США, не давали полностью открыться окружающему миру подконтрольным им территориям, что необходимо для подключения их к глобальной социальной сети. Все это затрудняло действия американских институтов развития гражданского общества в этих странах, а формальная лояльность многих политических режимов накладывала дополнительные ограничения, заставляющие считаться с их позицией и мнением (См.: Коровин, 2011).

Теперь, по-видимому, пришло время кардинально изменить сложившуюся на протяжении последних десятилетий ситуацию. Известно, что в случае государственного переворота новая власть, состоящая из, в общем то, сомнительных и малоизвестных международному сообществу элементов, будет в первую очередь озабочена собственным международным признанием и будет готова поступиться любыми национальными интересами ради этого. Следовательно, такое руководство будет намного сговорчивее в решении ключевых политических и экономических вопросов. С таким правительством можно будет пересмотреть экономические соглашения и изменить их в лучшую для себя сторону, в обмен за незначительные политические авансы в сторону новой власти.

То, что процесс погружения Северной Африки и части Ближнего Востока начался именно сейчас, говорит о том, что время пересмотра прежних соглашений правительств ряда арабских государств с такими мировыми лидерами как США (являющимися авторами указанных технологий) видимо пришло. Если за «фисташковыми революциями» стоит именно Вашингтон, то реформирование им карты

Северной Африки и Ближнего Востока может преследовать две основные цели.

4. Цели «новых цветных революций»

Истинные цели «фисташковых революций» в странах Северной Африки и Ближнего Востока лежат несомненно глубже, чем просто смена политических режимов и замена, в общем то, лояльных, но малоуправляемых (в силу своей бессменности) авторитарных лидеров арабских государств на марионеток, постоянно зависимых от внешней политической поддержки. Эти «революции» необходимо рассматривать не в узком смысле, как рядовые внутригражданские конфликты, а в системе координат глобальной политики. В этой системе координат регион Магриба является точкой, в которой сегодня сходятся интересы крупнейших мировых политических сил, сделавших Северную Африку своеобразным полигоном и плацдармом для приближающейся схватки за весь африканский континент, крупнейшей после получения бывшими колониями своей независимости. Эта схватка, по мнению многих аналитиков, станет для черного континента новым территориальным и энергетическим переделом.

Есть несколько важнейших причин, по которым Африка имеет стратегическое значение для мировой экономики, в том числе для геополитических интересов Соединенных Штатов Америки и Китая, как крупнейших игроков мирового рынка. Главная из них – нефть. Суммарные нефтяные резервы африканских стран – 16,6 млрд. т, что составляет 10% общемировых запасов. По этому показателю Африка уступает лишь Ближнему Востоку и Евразии. При этом новые месторождения открываются ежегодно. Лидеры по доказанным запасам нефти – Ливия (5,7 млрд. т), Нигерия (4,8 млрд. т), Ангола (1,8 млрд. т), Алжир (1,5 млрд. т), Судан (0,9 млрд. т). На долю Западной Африки уже сейчас приходится 15% нефти, импортируемой в США, и этот показатель, по всем прогнозам, в течение ближайших 25 лет достигнет 25%. Нефтяные месторождения найдены на побережье Анголы, Сан-Томе, Габона и Нигерии. США пытаются уменьшить энергетическую зависимость от Ближнего Востока, поэтому Африка в последние годы стала особым объектом американского политического интереса.

На африканские страны приходится около трети китайского импорта нефти. В 2006 г. Ангола, обогнав Саудовскую Аравию, стала основным поставщиком нефти в КНР. Кроме того, экономика КНР заметно ориентируется на поставки африканского газа. Газовые ресурсы африканского континента значительны. Они насчитывают 14,65 трлн. м³, что составляет 7,9% запасов мировых запасов. По доказанным запасам природного газа, Нигерия и Алжир (5,22 и 4,5 трлн. м³ соответственно) во всем мире уступают лишь России, Ирану, Катару, Туркмении, Саудовской Аравии, ОАЭ, но значительно опережают такого ведущего экспортёра газа как Норвегия (2,91 трлн. м³). Необходимо отметить, что в сфере энергетики КНР является крупнейшим

партнёром таких африканских стран как Судан, Ангола, Нигерия, Экваториальная Гвинея и Демократическая республика Конго.

Углеводороды являются не единственным африканским сырьём, в котором нуждается КНР. Интерес также представляют руды и металлы: цинк, кобальт, медь, уран и бокситы, которые импортируются из Замбии, Зимбабве, ЮАР, ДРК, Габона и Марокко. Несмотря на то, что сам КНР располагает значительными запасами цветных металлов, большинство китайских месторождений – это бедные и не приспособленные к искусственному обогащению руды. Разрыв между ростом спроса на цветные металлы в силу бурного промышленного роста КНР и предложением в силу сокращения внутренних запасов может вызвать серьёзную проблему для экономики страны.

Таким образом, Африка и Ближний Восток сегодня являются точкой пересечения жизненно важных интересов двух великих держав – США и Китая, которые уже вступили между собой в непримиримую борьбу за доступ к энергоресурсам и политическое влияние в регионе.

Для Вашингтона страны Магриба – ключевой регион на карте мира, установление контроля над которым позволяет управлять глобальным транзитом углеводородов и других видов стратегического сырья для крупнейших развивающихся экономик (прежде всего, Китая). США в темпах экономического развития проигрывают своему главному сопернику Китаю и все больше становятся зависимыми от его быстро растущей экономической и политической мощи. В этих условиях политика Вашингтона может выражаться в том, чтобы любой ценой удержать контроль над крупными запасами углеводородного сырья, воспрепятствовать его поставке в Китай и Европу и, тем самым, сдержать их экономический рост. Один из методов достижения этой цели –

использование национальных сепаратистских и экстремистских движений для дестабилизации неподконтрольных регионов – так называемый «управляемый хаос». Применение именно таких технологий и наблюдается сегодня в странах Северной Африки и Ближнего Востока, переживших или продолжающих переживать «финиковые революции». Это первая основная цель США и причина «революционных» событий в регионе: не исключено что перед новой властью пришедшей к власти с помощью технологий «цветных революций» и «управляемого хаоса» будет поставлена задача перекрыть (или существенно сократить) экспорт энергоносителей в Китай.

Вторая основная цель Вашингтона может иметь отношение к приближающейся схватке за Африку и ее энергетические ресурсы в целом. Как повод для соперничества великих держав и предмет нового геополитического передела сфер влияния, Африканский континент сегодня несомненно представляет лакомую добычу. Вместе с тем в политическом плане Африка – самый молодой регион мира. Средний возраст расположенных здесь стран, кроме Эфиопии, – менее 40 лет. Подавляющее большинство государств было образовано после распада колониальных империй европейских метрополий во второй половине XX века. Не исключено, что в самом ближайшем будущем на смену колониальным границам придет новое политическое устройство региона. В этом переустройстве США рассчитывают сыграть ключевую роль выдвинув концепцию нового геополитического образования – «Большого Ближнего Востока». Цепочка «цветных революций» в странах Северной Африки и Ближнего Востока может стать первым практическим шагом на пути ее реализации.

Литература

1. **Коровин В.** Цунами цветных революций на Большом Ближнем Востоке. / Евразия, ИАП. 2011, 4 апр. Режим доступа <http://evrazia.org/print.php?id=1619>

2. **Королев С.И.** Этническая психология: методика изучения и методика использования. – М. 2007.
3. **Хатами М.** Ислам, диалог и гражданское общество. – М. 2001.

У статті представлені результати аналізу практики застосування західними державами сучасних технологій управління конфліктами («керованого хаосу») в кольорових революціях на Близькому Сході і в Північній Африці. Численні ознаки і сліди застосування зазначених технологій дозволяють стверджувати, що недавні революційні події в Тунісі, Єгипті, Лівії, Бахреїні інших арабських державах носили явно не спонтанний характер і були прямим результатом зовнішнього політичного управління.

Ключові слова: Лівія, Сирія, фінікові революції, політика, міжнародні відносини, конфлікт, управління конфліктом, політична модернізація.

The results of the analysis of the practice of the western states of modern management conflicts ("controlled chaos") in the color revolutions in the Middle East and North Africa. Numerous signs and traces of the application of these technologies suggest that the recent revolutionary events in Tunisia, Egypt, Libya, Bahrain, other Arab states were clearly not spontaneous and were a direct result of external political control.

Key words: Libya, Syria, colors revolution, policy, international relations, international conflict, conflict management, political modernization.